

Владимир Тимофеев

СКАЗКИ ЦЕНТРОБАНКА

Владимир Тимофеев

Сказки Центробанка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70467976

SelfPub; 2024

Аннотация

А Вы задумывались, почему в школе детей не учат, что такое деньги? В большинстве ВУЗов тоже обходят эту тему стороной. Деньги – это зло или добро? Почему еще две с лишним тысячи лет тому назад Аристотель ясно доказал, какой вред экономике наносит монетаризм, а нам преподносят его как прогрессивное открытие? Куда исчезло само понятие хрематистики (хрематистики)? И когда же деньги исчезнут из обихода? В «Сказках Центробанка» Вы не найдете исчерпывающего ответа на эти вопросы, но поразмышлять об этом вместе с автором будет интересно.

Содержание

Десятая муза	4
Мечь денежного мешка	24
И вновь победа!	38
Бессмертная смерть	55

Владимир Тимофеев

Сказки Центробанка

Десятая муза

Собрались как-то Музы отметить успешный отчет по случаю завершения календарного года. Расслабились они после положительной оценки их творческой деятельности. Ну и великолепный нектар, которым они наслаждались, сыграл свою роль.

Стали Музы сначала потихоньку, а затем все более бодро хвастаться своими достижениями, расхваливать себя и заверять друг друга, что нет ничего столь же всемогущего, как искусство.

Только услышали они, как кто-то посмеивается, хихикает, а иногда и хохочет над их особенно громкими заявлениями. Осмотрелись и увидели мешок. С виду обыкновенный, даже далеко не новый, правда, чем-то битком набитый

– Кто ты такой? – спросила Каллиопа, мастерски, как ей и положено, изобразив гнев и угрозу.

– Я тот, кто, в отличие от вас, всемогущ на самом деле. Я могущественнее вас всех вместе взятых. Да, да я – Денежный Мешок на самом деле главная муза!! Все, кому вы покровительствуете, все, как вы считаете, талантливые и гениальные

поэты и драматурги, композиторы и актеры лишь пыль у меня под ногами.

Разозлились божественные музы, набросились на мешок, стали его пинать, лупить палками. А он продолжал хихикать и похохатывать.

– Я, я самая главная муза. Любой автор поэмы или симфонии предпочтет мое покровительство вашему. Какую музыку я закажу, такую и играть будут. А если я прокляну самого-самого гениального поэта или актера, то умрут они безвестными в домах призрения. А захочу – любого ничтожного бездаря провозглашу светочем искусства всех времен и народов, и будут раздаваться аплодисменты при одном лишь упоминании его имени. А у могилы всегда будут плакальщицы и цветы.

Еще больше разозлились музы. Так разозлились, что фурии выглядели бы пушистыми одуванчиками, будь они рядом с ними.

А мешок совсем разошелся.

– Вы, божественные музы, настолько вознеслись в восхвалении самих себя, что живопись и скульптуру признаете не искусством, а лишь ремеслом. И за эту непомерную гордыню придется мне вас наказать.

Тут схватили божественные музы мешок, развязали и стали опорожнять его содержимое в глубокую-глубокую яму, доказывая свое презрение к деньгам и свою правоту денежному мешку.

Долго пришлось им держать мешок вверх тормашками, а медные, серебряные и золотые монеты все сыпались и сыпались. А мешок хохотал в унисон их звону. Наконец, догадались они вывернуть его наизнанку. Тут мешок замолк, а денежный поток иссяк.

Разорвали музы ненавистный мешок на мелкие-мелкие части и пустили их по ветру. Разлетелись лоскутки по всей земле. Попросили музы Зевса не просто засыпать яму, а воздвигнуть на этом месте горы.

Прошло время. Божественные музы снова собирались вместе, отмечая различные события. Иногда кто-нибудь вспоминал о наглых притязаниях денежного мешка, что только добавляло веселья и хорошего настроения.

Как-то раз похвасталась Эвтерпа, что осененный ею гениальный поэт прославился поэмой о победе любви над низменными потугами золота в борьбе бедного благородного юноши и могущественного богача за благосклонность красивойшей из самых красивых девушек.

Все остальные музы принесли свои поздравления. Но были они не только божественными существами, а еще и женщинами.

И уже на следующей встрече Мельпомена и Талия, Терпсихора и Полигимния наперебой рассказывали о трагедиях и комедиях, операх и балетах, одах и балладах, в которых любовь торжествовала над властью денег.

Клио не участвовала во всеобщем ликовании. Она пове-

дала об участии Денежного Мешка в исторических летописях. И она была первой, кто заметил, что люди не просто прочитали ее мемуары о расправе над денежным мешком, но, что бывало чрезвычайно редко, поверили в существование ущелья в горах, заполненного золотом и серебром. Все чаще и чаще стали они бросать свои семьи и дома, учебу и работу, любимых и друзей, отправляясь на поиски клада.

Урания полагала, что на ее контингент это сумасшествие не распространится. Однако, оказалось, что самые умные мыслители, проанализировав поведение мешка, неожиданно и совершенно неоправданно пришли к выводу, что на его лоскутах содержатся фрагменты карты с указанием места захоронения золота-серебра. Тут же географы, гидрологи и аэрологи, физики и химики, археологи и психологи, взялись изучать розы ветров и направления подводных течений, износостойкость мешковины и влияние на нее жары и холода, ветра и воды. Как со временем должен измениться ее цвет и как можно восстановить карту. Исследовали модель поведения людей, которые стали обладателями лоскутов мешка, в зависимости от их национальности, вероисповедания, пола и возраста, воспитания и образования. И много чего еще.

Надо отдать должное уму и упорству искателей, потому что в конце концов все лоскуты, обрывки и даже ниточки были собраны воедино. Конечно, никакой карты обнаружено не было. А вот мешок вновь наполнился деньгами и стал еще более влиятельным, как никогда прежде. Чувствовал он

в себе могущество невероятное.

В один прекрасный день мешок вновь появился на собрании муз. И опять выдвинул претензии на звание музыки, причем самой главной.

Безуспешно пытались музы разорвать его, ибо теперь он был сделан из самого прочного на Земле материала – паучьей паутины.

Урания, менее всех подверженная эмоциям, сменила тактику, предложив подвергнуть мешок испытаниям для доказательства правомерности его притязаний.

– Ты ставишь этот презренный денежный мешок на один уровень с Гераклом? – возмутилась Клио.

– Он, конечно, не Геракл. Поэтому я и уверена, что ему не удастся с честью выполнить три задания, которые мы дадим ему.

Задумались музы. Посмотрели они вокруг себя на деревья, кустарники, цветы, облака и ручейки, птиц и оленей. И на величественные горы.

Все это уже восхищало поэтов и бардов, летописцев и композиторов, писателей и художников. И тут самая шаловливая из муз – Терпсихора вскочила на обыкновенный серый базальтовый валун, которых валялось вокруг великое множество, и, топнув ножкой, сказала:

– Пусть добьется, чтобы люди воспринимали такие камни, как артефакты ИСКУССТВА, чтобы восхищались ими не меньше, чем рубинами и алмазами, предпочитали обще-

ние с ними застольному веселью. Чтобы рядом с ними человеческая душа чувствовала умиротворение, а мысли светлели.

– Вот тебе и первое задание. А пока ты будешь его выполнять, мы придумаем остальные. А сейчас исчезни и не мешай нам наслаждаться достижениями наших подопечных.

Начал мешок трясти деньгами по всему миру в поисках решения поставленной ему задачи. Много чего напридумывали инженеры и архитекторы, строители и военные, физики и химики и просто смекалистые да рукастые люди: полировали базальтовые валуны до такого блеска, который имел не каждый бриллиант, выкладывали из него дороги, отделявали фасады зданий, мололи зерно, изготавливали пушечные ядра.

В Медвежатии нашлись умельцы, которые стали плавить камни и изготавливать разные невиданные вещи. Несколько столетий ни одна страна не смогла достичь ее уровня развития каменного литья. Верхом изобретательства и научной мысли стало получение непрерывной базальтовой нити. Из нее делали трубы, не поддающиеся коррозии, инертные и к кислотам, и к щелочам, пуленепробиваемые жилеты, жаропрочные костюмы для пожарных, корпуса ракет и самолетов, кораблей и подводных лодок, которые невозможно было обнаружить радарам. И много-много чего еще удивительного.

Денежный Мешок гордился всеми этими достижениями, подтверждавшими его могущество. Но понимал, что музы не

только не сочтут задание выполненным, но и будут издеваться над ним, заявляя, что он ничего не смыслит в искусстве.

Сам мешок тоже путешествовал по миру в надежде найти решение задачи, поставленной ему коварными (а ведь по внешнему виду этого никогда не скажешь) музами. Довелось ему услышать, что далеко на востоке, за семью морями есть страна Цветущей Сакуры, где живут люди, которые смотрят на окружающий мир совсем иначе, чем на западе. Понаблюдали они за ними. Действительно во многом они вели себя не так, как жители Азии и Европы, иногда удивительно, а порой возмутительно, если подходить к ним с привычными мерками.

Но не удавалось денежному мешку обнаружить то, что искал.

Однажды ласковым весенним вечером очутился он в маленьком, чуть ли не игрушечном, домике одного из жителей этой островной страны. Поскольку он не сумел бы втиснуть в него свое раздувшееся тело, решил он переночевать в крошечном внутреннем дворике. Осмотрелся, увидел точную копию базальтового валуна, правда, без Терпсихоры. А затем и старика, сидевшего на скамеечке и не обратившего никакого внимания на появление мешка.

А между тем солнце все дальше уходило за горизонт, отблески света проигрывали войну с ночью. Вот оно исчезло полностью, и лишь облака на западе продолжали отсвечивать серебром, но и их поглотила тьма. Последние лучи солнца за-

крыли свои ресницы и, словно брызнувшие из них слезы, замерцали, засверкали, заискрились тысячи звезд.

Губы старика тихо, почти не задевая тишину ночи, шевелились. Он шептал:

Прекрасная гора.

Где та гора, которой был валун?

Но старше всех песчинка у его подножья.

Сад времени или камней?

Мешок, под очарованием увиденного и услышанного едва не забывший о барышах и биржах, банкротах и бандитах, банках и брокерах, чуть не завопил: «Вот оно!», но сдержался, стряхнул не приличествующие его статусу эмоции и перенесся в Древнюю страну кентавров.

Музы возвратились из страны Цветущей Сакуры в диковинных одеяниях и с невиданными прическами. Но что очень удивило мешок, были они торжественно задумчивыми, почти печальными. Так выглядят невесты в последний вечер перед свадьбой – грядущее исполнение мечты неминуемо приводит к потере чего-то столь милого сердцу, а именно чего не разобрать.

Мешок не стал требовать признания своей победы. А просто взял инициативу в свои руки:

– Готов к следующему испытанию. Скульпторы и художники всего мира жаждут благословения своей музы. Они

считают себя людьми искусства, а не ремесленниками. И обижаются, что их покровителем является хромой кузнец.

– Ты намерен бросить вызов Гефесту? – Воскликнула Полигимния. – Да ведь твоя сущность – кусочки золота или серебра – его творение. Где и кем бы ты был, если бы не его мастерство?

Неожиданно Эрато заявила, что не желает устраивать дискуссию с презренным серым мешком и, в надежде на его скорое исчезновение, предложила новое задание:

– Многие украшают свои жилища различными картинами. Кое-кто обожает свои собственные портреты, некоторые развешивают их десятками на стенах. Влюбленные тоже хотят видеть лица своих избранниц и избранников всюду и заказывают картины и скульптуры, медальоны и камеи, гравюры и эстампы с их изображением до бесконечности. Но такие картины ценны только для нескольких десятков, реже сотен, и крайне редко тысяч людей.

– Есть великолепные картины с изображениями исторических событий, победоносных войн и величественных извержений вулканов, ужасных штормов и красивейших пейзажей. Многие собирают сотни и тысячи таких картин. Однако они не собирают их копии.

– Докажи обоснованность своих претензий на звание музы художников и скульпторов, создав картину, которую каждый житель Земли будет рад получить в свою собственность. Но главное – чтобы все радовались очередному новому эк-

земпляру этой картины. Даже когда у них будут десятки, сотни, а может быть и тысячи этих картин они должны стремиться добыть их еще и еще.

Денежный Мешок не стал спорить и доказывать никчемность появления даже у самых ретивых почитателей Афродиты тысячи первой картины с ее изображением.

На какое-то мгновение у него зародилась крамольная мысль: «А стоит ли игра свеч? Так ли уж почетно стать членом этой команды вздорных бабенок?» Но тут в мозгу забрезжил способ выполнить задание Эрато. В конце концов, трезвый денежный расчет неминуемо должен победить любовную лирику. Тем более что Эрато – муза ЛЮБВИ. А ведь нет сильнее любви, чем ЛЮБОВЬ к ДЕНЬГАМ!

Денежный Мешок осмотрел свой внутренний мир. Вот оно! На некоторых монетах уже были портреты! Он хотел немедленно вернуться и триумфально объявить о своей победе. Но вовремя остановился:

– Эрато – муза любви, и ей сопутствует коварство!

Где изобилие измен и где царит обман,

Где вслед за взлетом к небесам

Падение неизбежно в бездну ада!

О, далеко не так она проста.

Нелегко будет путь к награде!

«Кажется, я попал под очарование этой музы и даже вы-

дал образчик неуклюжей лирики, – размышлял мешок. – Поскольку любви ко мне она не испытывает, значит она рассчитывает, что я останусь на бобах.»

Действительно, далеко не все обитатели Земли пользовались монетами, тем более золотыми и серебряными. Некоторые для расчетов пользовались ракушками, другие – шкурками животных, третьи – камешками, совсем не обязательно драгоценными, четвертые – записями на папирусе или глиняных табличках.

Долго путешествовал Денежный Мешок по городам и странам, скользил во времени, перепрыгивая через столетия, пока не сотворил ДОЛЛАР!

Не сразу понял мешок, какое чудовище он выпустил из ящика Пандоры. Франкенштейн по сравнению с ДОЛЛАРОМ был куклой Барби.

Не было таких преступлений, на которые не решились бы люди ради приобретения ДОЛЛАРОВ с портретами совершенно чужого человека, о котором они ничего не знали, да и не хотели знать. Так же, как и имени художника, написавшего этот портрет. Чем больше портретов удавалось кому-либо собрать, тем более чудовищные поступки совершались, чтобы добыть следующие. Родители предавали детей, дети – родителей, брат готов был убить брата, верный друг оборачивался злейшим врагом. За десяток-другой портретов можно было заставить проделать неприятную работу. За тысячу – продавали честь и невинность. За миллионы – целые подраз-

деления правоохранителей выполняли более качественно и эффективно то, что обычно поручалось бандитам и мошенникам. За миллиарды в рабство попадали целые народы!

Денежный Мешок впервые ощутил, какой чудовищно безграничной властью наделяют портреты своих владельцев. Хотя честнее будет признать, что владельцы портретов на самом деле являются их рабами.

Каким-то загадочным образом обладатели миллионов и миллиардов портретов стали считать себя самыми умными и почитаемыми людьми. И только к концу жизни приходило прозрение, что на самом деле окружающие любили не их и поклонялись не им, а портретам на долларах.

Перед тем, как перенестись к музам Денежный мешок наладил круглосуточное производство портретов, печатая их миллиардами каждый день. Количество портретов давно превысило число жителей Земли, но интерес к долларам только рос.

Надо ли говорить, что Денежный Мешок вернулся к музам триумфальным победителем.

А они никак не ожидали, что ему вообще удастся выполнить задание, тем более так быстро, поэтому обратили взоры к самой мудрой и дальновидной Урании. И она их не подвела:

– Пусть он добьется признания простого черного квадрата величайшим творением живописи.

Музы не возражали.

Поначалу задание не показалось Денежному Мешку трудным. Ему было известно, что в стране Мудрых кентавров много блестящих философов, разных агностиков и перипатетиков, славящихся непревзойденным умением из любого воробья сотворить великолепного орла. К ним он и обратился за помощью.

Соревнуясь друг с другом, философы убедительно доказали, что черный квадрат содержит в себе все радости Вселенной и ужасы ада, мир и покой снов Морфея и нирвану забытья морфия, последние мгновения до наступления рассвета и много-много чего еще. Денежный мешок от изумления чуть было не развязался.

Щедро одарив философов, он собирался уже отбыть к музам, но в последний момент все-таки задал вопрос, можно ли теперь признать черный квадрат лучшей картиной в мире.

Эпикурейцы расхохотались, стоики и циники ухмыльнулись. Софисты объяснили:

– Лучшими в мире следует признать наши мысли и рассуждения, но и нам еще предстоит разобраться, кто из нас будет первым. А твой черный квадрат – лишь отправная точка, мы можем обойтись и без нее.

Такую же оценку получил черный квадрат от философов и в стране Поющих сапожников.

Переместившись в эпоху раннего средневековья, Денежный мешок испытал ликование, когда на его предложение считать черный квадрат величайшей картиной мира народ

явно обрадовался. Восторженная толпа понесла его на руках... к площади, на которой были установлены семь кострищ. К шести уже были привязаны ведьмы и колдуны. Седьмое место было свободно, потому что ведьма обвела палачей вокруг пальца, неожиданно скончавшись в узилище. Поэтому мешок со своим черным квадратом подвернулся весьма кстати.

Наученный горьким опытом Денежный Мешок решил в дальнейшем не выдавать себя за автора черного квадрата.

Долго колесил он по столетиям и разным странам. Наблюдал, как все более экономичными становятся способы избавления от лишних граждан: энергетический кризис уже не позволял устраивать роскошные костры – веревочная петля оказалась более экономичной. Дороги страны Великих Бритых украшали десятки тысяч виселиц. На родине шампанского и коньяка предпочитали длинные ножи. Побывал Денежный Мешок и в дремучей Медвежати, посмотрел на царя Самого Ужасного. Поначалу он не мог понять, почему этот государь Самый Ужасный. Ведь за полтора десятка лет он казнил людей в десять раз меньше, чем король Шампани за одну неделю и в пятьдесят раз меньше, чем король Великих Бритых за два года.

Лишь когда удалось ему лично заглянуть в глаза царю Медвежати, понял он, что не может ни один вор, мошенник, лгун выдержать этот взгляд, почему у них коленки начинают дрожать, а руки трястись. Не числом казненных, а неиз-

бежностью наказания внушал и внушает до сих пор грозный царь Медвежати и ужас. Не было у него необходимости добиваться исполнения своей воли и сохранения порядка в государстве КОЛИЧЕСТВОМ убиенных.

Наконец, Денежному Мешку повезло. В 1617 году он обнаружил картину «Великая тьма» в виде черного квадрата мало кому известного художника Роберта Фладда. Но «великое» название сузило возможности толкования внутреннего смысла черного квадрата. Фладд так и остался широко известным лишь в своем маленьком городке.

Однако, начало было все-таки положено. В 1843 году художник-юморист Жан- Луи Пети создал черный квадрат в виде картины под названием «Вид на Ла-Хог», а затем еще несколько квадратов разного цвета. Будучи восприняты, как насмешка художника над новомодными попытками отыскать свежие направления развития живописи, эти квадраты получили более широкую известность. Но претендовать на первое место в мире не смогли.

К великой тьме, иронии и насмешке знаменитый художник Поль Густав Доре добавил немного политики и безысходности вместе с некоторым полумистическим ужасом, испытываемым по отношению к Медвежати, сотворив черный квадрат под названием «История России теряется во мгле».

Но и в этот раз широкой известности достигнуть не удалось.

В 1882 Пол Билхолд очередным черным квадратом под названием «Ночная драка негров в черном подвале» привнес в его трактование нотки расизма. Но явная провокация недолго удерживала зрительский интерес.

Понял Денежный Мешок, чего не хватает всем этим черным квадратам – грандиозности замысла, широты и свободы фантазии, смелости в преодолении установленных стереотипов. Где же можно найти решение этих непростых проблем? Только в Медвежатии, с ее необъятными просторами, с ее пугающе непонятными жителями, привыкшими преодолевать колоссальные трудности, купаться в ледяной воде в жуткие морозы, терпеть чудовищные унижения, сохраняя при этом достоинство и гордость, яростно и беспощадно сражающихся с захватчиками, оставаясь милосердными к побежденному врагу, способными дружелюбно относиться к жителям разных стран и различных вероисповеданий.

Мало кому известный даже в узких кругах художник Рисованыч сидел в крошечной студии и горестно размышлял, что пора, давно пора провести выставку своих работ. А главная картина, которая должна явить миру нового корифея живописи, так и не создана. Он посмотрел на холст с ее наброском, горестно вздохнул и замазал его густой черной краской.

И, конечно же, как и положено в сказках, перед ним возник Денежный Мешок. Окинув хозяйским глазом оконченные полотна, он ошеломил Рисованыча:

– За сколько отдашь черный квадрат?

Бедный художник, который уже представлял, что наконец-то сможет продать какую-нибудь из своих картин, сдержал гнев.

– Я рад, что у Вас хорошее настроение, и Вы можете позволить себе шутить. Но надеюсь, что хотя бы одну из моих работ Вы захотите приобрести.

– Меня интересует исключительно черный квадрат.

И снова Рисованыч сумел обуздать желание вышвырнуть посетителя за дверь.

– В ближайшее время состоится выставка моих работ. Возможно, там Вы подберете, что-либо соответствующее Вашим вкусам.

– Выставка – это великолепно, это превосходно! Я приобрету черный квадрат именно в галерее. А сейчас я внесу задаток. Сколько ты мечтаешь получить?

– Если Вы заплатите за любую из работ, стоящих перед Вами (тут Рисованыч сам себе сказал: «Проси больше, получишь меньше», зажмурился и ...) 30 рублей, то черный квадрат получите бесплатно.

– Мне нужен только черный квадрат.

– Послушайте, в прежние времена черные квадраты уже выставлялись не один раз. Мой сочтут плагиатом.

Денежный мешок обрадовался. Если в этом медвежьем углу слышали о его потугах по продвижению черного квадрата в массы, значит не все потеряно.

– Я дам тебе 100 рублей сейчас и столько же получишь на выставке.

Рисованыч, хотя и обомлел от такой невиданной щедрости, продолжил сопротивление.

– Да этот квадрат – просто мой несостоявшийся шедевр, который я замазал, чтобы не расстраиваться. То, что Вы намерены его купить – это просто супер идиотизм!

– Супер идиотизм? СУПЕРИДИОТИЗМ... Нет, это СУПРЕМАТИЗМ! Это будет ЧЕРНЫЙ СУПРЕМАТИЧЕСКИЙ КВАДРАТ! Вот нюанс, который проложит широкие пути и развернет рельсы веером для мыслей и измышлений разных эстетствующих критиков и гламурных критикесс – знатоков живописи! Да не переживайте Вы так. Черный квадрат прославит Вас.

В предчувствии великого будущего стоящего перед ним художника мешок непроизвольно перешел на Вы.

– Но я не желаю быть посмешищем – живописцем, сотворившим картинку, которую может написать пятилетнее дитя! Да к тому же еще и плагиат!

– Черный квадрат может нарисовать кто угодно. А вот ЧЕРНЫЙ СУПРЕМАТИЧЕСКИЙ КВАДРАТ смогли создать только Вы. Верьте мне и поверьте в себя. Эта будет самое знаменитое живописное полотно в мире! Оно будет стоить дороже большинства картин самых именитых художников всех времен и народов.

Рисованыч не узнавал сам себя. Его понесло:

– Если квадрат будет продан за невероятные деньги, почему мне Вы предлагаете всего лишь сто рублей?

– Потому что в его раскрутку предстоит вложить в тысячу раз больше. Все эти «люди искусства», разные «окологалерейщики», эссеисты-критики жадны до денег. И вообще, мне надоело спорить. Все будет так, как я сказал. Рисованыч и ЧЕРНЫЙ СУПРЕМАТИЧЕСКИЙ КВАДРАТ – именно так Вы останетесь в истории.

Немного времени после этой удивительной сделки потребовалось Рисованычу, чтобы осознать – его карьера художника завершена. Но он продолжал делать деньги, разрабатывая теорию супрематизма, продвигая ее в статьях и книгах, на лекциях и во время различных выставок. Кроме того, время от времени он позволял себе подработать, делая и продавая авторские копии черного квадрата.

С годами он все реже тревожил себя раздумьями, что было бы, откажись он от продажи этой, якобы, картины, и все чаще приходил к выводу, что это был счастливый случай.

А Денежный Мешок, следуя разработанной стратегии, на каждой очередной выставке при перепродаже поднимал стоимость «Супрематического черного квадрата». И все больше жителей всей Земли с изумлением узнавали, что за мазню, на которую способны не только дети, но и обезьяны, разные богачи, а значит, вроде бы, не самые глупые существа, платят сумасшедшие деньги.

Когда цена «Черного квадрата» Рисованыча на очередном

аукционе перевалила за 100 миллионов долларов, Денежный Мешок предстал перед музами.

– Ну, что теперь вы признаете меня музой живописцев и скульпторов?

Музы хохотали, как сумасшедшие.

– Вспомни наш разговор. Мы договорились, что ты сможешь лишь ПРЕТЕНДОВАТЬ на звание музы, если сумеешь выполнить наши задания. Но ты никогда не сможешь стать одной из нас. Ведь мы – дочери Зевса-громовержца. И хотя наш отец настолько любвеобилен, что не знает всех своих детей, ему достоверно известно, что дочери по имени Денежный Мешок у него нет и никогда не было.

Ты можешь купить Университеты и научные центры целого мира, всех академиков и профессоров, но не образование. Начни, хотя бы, со знакомства с мифами и легендами древней Эллады.

Денежный Мешок хотел высказать все, что думает о музах и о коварстве женщин, но они исчезли. Полетели заниматься своим ДЕЛОМ – вдохновлять творцов науки и искусства.

Месть денежного мешка

Долго бесновался Денежный Мешок на любимой лужайке прекрасных муз. Как жалел он, что не был слоном или мамонтом, чтобы с грохотом топтать и давить шелковую траву (ему было невдомек, что слоны, как и мамонты в свои давно прошедшие времена, ходят бесшумно и траву не выгптывают). А так, от его подпрыгиваний совсем негромко и совсем не грозно шуршали банкноты, да позвякивали монеты. Лишь при большом воображении это шуршание можно было принять за шипение ядовитых змей. Но никого, кто мог бы такое представить и испугаться, рядом не было. А если бы и был случайный зритель, то он, скорее всего, посмеялся бы над неуклюжими ужимками набитого портретами никому не известных президентов мешка.

Однако, ярость Денежного Мешка, почти не нарушившая идиллию Олимпа, не осталась без последствий. На финансовых и сырьевых биржах по всему миру произошли катастрофические потрясения. И конечно, они сопровождались голодом и разрухой, революциями и войнами, эпидемиями, падением нравов и жизненных ориентиров. И ростом доходов похоронных компаний.

Но, как всегда бывает на изломе судеб людей и государств, творческие натуры продолжали создавать симфонии и романы, картины и поэмы, песни и балеты. Уже не за деньги. А

от сердца, от души и для души. Великое горе порождало великие таланты и великие произведения.

Для муз наступила страдная пора. Они трудились, не покладая рук, до полного изнеможения. А встречаясь на лужайке, с упоением рассказывали о своих достижениях. Эрато и Эвтерпа восхищенно читали стихи о любви, созданные умирающими от голода и холода поэтами. Каллиопа и Мельпомена захлеб рассказывали о потрясающих спектаклях, попасть на которые стремились и короли, и нищие студенты.

Особое восхищение вызывали истории о том, как смерть забирала поэта или актера, ученого или композитора прямо на сцене или за письменным столом. Это придавало результатам их труда некую утонченную изысканность, считалось верхом совершенства. И вызывало многочисленные ахи и охи, а в последнее время – вау!

Даже Денежный Мешок с его холодным, расчетливым, не подверженным эмоциям умом, коробило восхваление торжества смерти бессмертными музами.

Лишь Терпсихора была печальна – голодные люди не танцуют.

Постепенно здравый рассудок возобладал над не свойственными финансистам эмоциями. Денежный Мешок решил отомстить музам за нанесенное оскорбление. Месть его должна стать жестокой, ужасной и болезненной для этих божественных созданий.

– Для начала надо оценить обстановку, силы и слабости

сторон, определиться с направлением главного удара, выбором слабого звена противника. Я одерживал победы над самыми светлыми умами, самыми эрудированными энциклопедистами. Но борьба происходила на моем поле – поле финансовых операций. Они могли рассказать, чем отличается бозон от кварка, как зимой разжечь костер в тундре, можно ли перевоспитать преступника в тюрьме, чем вылечить гайморит и т. д. и т. п. Но зачастую были не способны уловить разницу между дебетом и кредитом, не говоря уже о различиях SPO и IPO, тем более ничего не понимали в деривативах. Привычно обманывая всех этих просвещенных людишек, я и мои верные слуги – банкстеры испытываем меньше угрызений совести, чем подсовывая соску-пустышку плачущему младенцу. И гордиться, обманывая эту интеллектуальную элиту, тоже особых оснований нет. Она столь высоко оценивает себя, что и мысли не допускает, что малообразованные банковские клерки даже не испытывают злорадства, обводя их вокруг пальца, как детей.

Играя на поле прелестных муз, мешок доказал, что кое на что способен. На этом же поле придется дать им сражение и победить. Для этого (тут Денежный Мешок немного начал гордиться собой) он станет профессионалом.

Он не собирался тратить время на изучение военных наук или методов работы спецслужб, но несколько ценных мыслей отобрал: «Побеждай не числом, а умением!», «Самую острую боль приносит зло в обертке доброты» и тому подоб-

ное.

Подыскивать помощников для воплощения плана мести Денежный Мешок не стал. Сообщать свой замысел кому-либо не решился, справедливо рассудив, что если секрет знают двое, то может появиться и третий, а что знают трое – знает и свинья.

В качестве слабого звена он выбрал Уранию. Каллиопа была настолько величественно надменна, что льстить ей было бесполезно. Мельпомена могла изобразить искреннюю заинтересованность и участие, но в любой момент перевернуть все с ног на голову ради драматического эффекта. Талия непременно высмеяла бы его. Эрато, Эвтерпа и Полигимния предложат изучать анапесты и амфибрахии, артикуляцию и интонацию. Терпсихора? Денежный Мешок содрогнулся, представив, как ему придется дергаться до судорог, пытаясь научиться какой-нибудь самбе или румбе. Клио, возможно, и подошла бы, но пришлось бы тратить кучу времени на выслушивание бесконечных историй, берущих начало с древних времен. А кроме этого, она была косным консерватором – все новое было чуждо ее восприятию, пока не становилось вчерашней историей.

– Дорогая Урания, – Денежный Мешок уловил момент, когда она осталась в одиночестве. – Я вынужден признать, что хотя вы с сестрами обидели меня, слова ваши были справедливы. Действительно, знания мои по большей части относятся к математике, музой которой вы и являетесь. Счи-

таю, что это не только самая великая наука, но и великое искусство. Нигде нет такого простора для фантазий и волшебства, такой гармонии и красоты, как в математике. Именно знание математики приносит прибыль и благоденствие миру. Посоветуйте, что я, простой мешок, должен изучить на первом этапе, в первом классе школы, директором которой я хотел бы видеть вас, чтобы стать образованным и культурным и не вызывать смущения у ваших сестер одним своим присутствием.

Урания сохранила свойственное ей спокойствие и не стала прогонять назойливого льстеца.

– Тебе надо чаще встречаться с мудрецами, философами, учеными. Читать написанные ими книги – сосредоточие знаний. Но книг мало, их берегут и разрешают брать в руки только достойным. Пергамент дорог. Хороших писарей, размножающих книги, также мало, как и их создателей.

– Я понял, понял, каков должен быть мой первый шаг под Вашим мудрым руководством.

Денежный Мешок, готовясь стать музой живописи, уже знал, как делаются изображения на монетах, изготавливаются гравюры и эстампы. Оставалось изобрести способ производства дешевой бумаги и печатный станок.

Книгопечатание произвело настоящую революцию. Музы были в восторге. Литература, особенно поэзия, стремительно расцветала. А Полигимния обрадовалась печатным нотам.

Посмотрел Денежный Мешок на результаты своего труда и решил, что это хорошо.

В другой раз услышал он, как убиваются Эрато, Эвтерпа и Полигимния из-за скоропостижного ухода в царство Аида уникального певца. Как сожалели они, что его голос не смогли услышать миллионы потенциальных почитателей и что скоро забудут его даже те, кому посчастливилось воочию насладиться волшебством его пения.

Посодействовал Денежный Мешок в предоставлении дешевых кредитов перспективным ученым и инженерам. Создали они радио, граммофоны, патефоны и магнитофоны.

Снова музы ликовали. Радовались возможности запечатления голосов и концертов для хранения и передачи потомкам.

Мельпомена, правда, показала свой вздорный характер, заявив, что люди станут лениться ходить на концерты, располагая возможностью все услышать, сидя дома на диване.

Печальной оставалась Терпсихора – балет нельзя транслировать по радио. Она же, первой из муз, сама подошла к Денежному Мешку с предложением изобрести устройство для запечатления изображений.

Так появились кинематограф и телевидение. Терпсихора была в восторге. А Каллиопа и Мельпомена предрекли трагическую смерть театру.

Начало раздорам среди муз было положено.

Посмотрел Денежный Мешок на результаты своего труда

и вновь решил, что это хорошо. Ведь план мести дал первые ядовитые ростки.

Денежный Мешок не сомневался в великой силе искусства. Его стремление стать десятой музой основывалось не только на тщеславии. Он верил, что сумеет использовать потенциал поэтов и певцов, актеров и живописцев, направив его в русло увеличения денежных доходов.

Сначала для продвижения товаров и услуг робко использовались глашатаи и зазывалы, заманчивые вывески, странствующие цирки и театры. Запускались стишки и частушки. Поскольку поэты, считающие себя великими, отказывались участвовать в полезной деятельности, приходилось довольствоваться тем, что выдавали на гора менее гордые и более нуждающиеся рифмоплеты: «Доверьте деньги нашему банкиру, и с суммой крупною прокатитесь по миру!».

Конечно, тут же появлялись враги: «Доверил деньги этому банкиру? Теперь с сумой пойдешь по миру!». Так родились практически одновременно реклама и антиреклама.

Музы появлению рекламы недальновидно обрадовались, и на ее творцов смотрели снисходительно. Так скрипач хлопывает по плечу поставщика канифоли: «В моем успехе есть твоя заслуга!». Они полагали, что реклама – это не искусство, реклама – это даже не ремесло. Реклама – это даже не черновики великих замыслов. Реклама – это мусор, отходы творчества. Однако признавали, что реклама нередко бывает полезной, помогая молодым малоизвестным гениям

добиваться быстрого успеха. И кроме того, эту тему музы предпочитали почти не обсуждать, реклама нередко помогала гениям и талантам вести сытую жизнь.

Такая беспечность только радовала Денежный Мешок. Ядовитые ростки быстро превращались в могучие кустарники.

Первыми, почти незаметно, исчезли народные песни и танцы, былины и баллады, хороводы и хоры. Музы не претендовали на причастность к их появлению. Просто в поисках достойных их внимания и заботы людей они запускали искорку, которая могла превратиться в жгучее пламя поэзии или музыки, попав на достойную почву. Это случалось редко. Разочарованные музы продолжали поиски. Но искорка не всегда угасала. Кому-то удавалось сочинить две-четыре строчки, кому-то – единственную в его жизни мелодию. Хилые плоды могли, чаще всего так и происходило, зачахнуть. Но случалось, что несколько таких строчек встречались с мелодией, и рождалась песня, которую пели в какой-либо деревушке. Затем она перекочевывала к другим исполнителям. Слова менялись, мелодия обогащалась.

Искорки, сложившись подобно мозаике, в народную песню, особенно исполняемую хорами, превращались в могучее пламя. По силе воздействия они, зачастую, превосходили творения осененных музами гигантов поэзии и музыки.

Тщеславные музы, лишённые права претендовать на свою причастность к народному творчеству, относились к нему

прохладно, если не сказать равнодушно. Поэтому, когда стало угасать хоровое пение, когда люди перестали напевать за работой и на семейных торжествах, они не проявили беспокойства.

Денежный мешок только радовался их беззаботности. А на кустарниках уже появились первые внешне заманчиво-привлекательные плоды: персональные компьютеры и, вот он финальный аккорд! – несущие смерть балетам и операм, балладам и ораториям, эпическим поэмам и любовным романам, живописи и даже художественной фотосъемке, НАЛАДОННИКИ.

Впрочем, и до их появления Денежный Мешок многое сделал для приближения кончины, например, исполнения и создания симфоний – вершины творчества композиторов. Он просто не мог спокойно даже размышлять о том, что куча располагающих денежными средствами людей два, три, а то и четыре часа слушают музыку и лишены возможности наслаждаться рекламой. Нет, они не исчезли полностью. Те, кто был рожден в мире, почти свободном от рекламы, продолжали посещать концертные залы. Но постепенно их становилось все меньше и меньше. Они шли по дороге, проторенной мамонтами.

Над живописью Денежный Мешок позволил себе поизголяться особенно цинично. Самыми ценными произведениями (а цену устанавливал Денежный Мешок) признавались настолько искаженные образы, что маленькие дети начинали

плакать, бросив мимолетный взгляд на мрачных чудовищ. Иногда это были просто линии, иногда беспорядочно разбросанные пятна краски. Еще хуже обстояли дела со скульптурой. В лучших музеях и галереях выставлялись кучи мусора, отходов человеческой деятельности, которые щедро оплаченные владельцы, не краснея, располагали в одних залах с творениями древнегреческих и римских гениев.

Наладонники почти мгновенно превратили в «неформат» не только романы и повести, но даже рассказы и притчи. Объемы произведений ограничивались объемами оперативной памяти различных компьютерных приспособлений. Популярные песни все чаще состояли из нескольких строчек. Пошлятина вроде: «Я люблю тебя! Ты потри меня! Ты потри меня сильней, стану я к тебе нежней» почиталась вершиной песенной лирики.

Деградация искусства приобрела лавинообразный и необратимый характер.

Донельзя довольный плодами своего разрушительного плана Денежный Мешок решил появиться на лужайке, чтобы принять полную и безоговорочную капитуляцию волшебных муз и насладиться плодами своей победы.

Уныние и печаль, черная тоска безнадежности уничтожили веселье и заразительный оптимизм, царившие раньше в этом прекрасном месте. Музы изменились, выглядели постаревшими, хотя их божественное происхождение не допускало подобного.

Все они нападали на поникшую Уранию, считая ее соучастницей Денежного Мешка, но сразу же перенесли свою ярость на него.

– Ты губитель всего прекрасного, могильщик искусства! Как посмел ты явиться сюда? Рано ты торжествуешь! Наш отец, Великий Зевс, накажет тебя!

Денежный Мешок дерзко, но резонно возразил:

– Если бы Великий Зевс считал мои подвиги злом, он сделал бы это, не дожидаясь ваших молитв.

Однако в это мгновение в центр лужайки ударила молния. С вершины Олимпа спустился вихрь, сгибая своей мощью дубы и вязы и лишая их листвы. Перед ошеломленными музами и изрядно струсившим Денежным Мешком появился, как всегда в своем кожаном фартуке, Хромой кузнец.

Не обращая внимания на мешок, Гефест обратился к музам:

– Как осмелились вы, мои милые племянницы, тревожить всемогущего Зевса? Не вы ли постоянно похвалялись, что нет ничего сильнее искусства? Не вам ли поверили люди, что героические баллады и гимны, поэмы и трагедии способны сотворить героев из заурядных обывателей? Не вы ли хвастались, что любовь побеждает деньги? И что же? Как и чем вам помочь, если Вы сами ничего не делаете, чтобы выиграть войну.

Своими мольбами к могучему Зевсу о наказании Денежного Мешка вы ставите это ничтожество на один уровень с

великим героем Прометеем. Он был наказан за то, что дал людям полученный от меня огонь. А облагодетельствованные им люди не только научились согреть свои жилища и готовить на огне пищу. Они стали использовать силу огня в сражениях друг с другом, поджигать поля, храмы и города. Уничтожать на кострах безумных и невинных людей.

Золотые монеты Денежный Мешок получил тоже от меня. Деньги облегчили жизнь и ускорили развитие человеческого общества. Разве вы не радовались изобретениям, позволившим всем людям насладиться лучшими операми и симфониями, голосами гениальных певцов, прикоснуться к знаниям мудрейших из мудрецов? Нет вины денег в том, что у них появились рабы. Пироманы ради удовольствия лицезреть огонь способны поджечь собственный дом. Алчные банкиры, ростовщики, менялы, биржевики ради денег готовы уничтожить весь мир. Вы, волшебные музы – дочери Зевса должны не ныть, а хорошо потрудиться, чтобы предотвратить это злодейство.

Затем Гефест подошел к Денежному Мешку и приказал отдать ему золото и платину: «Тебе они не нужны, а в моей кузнице пригодятся».

И того, и другого нашлось совсем немного. Денежный Мешок уже некоторое время называл себя, как он считал, более элегантно, «Мультивалютный Мешок».

Действительно благородные металлы составляли лишь малую часть его богатств. Даже портреты президентов раз-

ных стран были потеснены всевозможными денежными дериватами, а последнее время и чиповыми карточками. Денежный Мешок подумывал, не поставить ли внутри себя еще и суперкомпьютер, но консервативное начало не позволило решиться на такой радикальный шаг. Кроме того, интуиция подсказывала, что компьютеризация несет какую-то смутную угрозу и ему самому.

Прощаясь, Хромой бог вновь обратился к музам:

– Неужели вы хотели, чтобы я по приказу Всемогущего Зевса приковал мешок цепями к скале и тем самым поднял его на уровень Прометея? Мой вам совет – поищите слабые места у вашего противника. Оцените степень полезного, которую он достиг в содружестве с Уранией. Вы полагаете его чрезмерное тщеславие ограничилось лишь желанием стать музой? Недооцениваете вы его аппетиты. Он позавидовал славе Деда Мороза и Санта Клауса, но смелости вступить с ними в конфронтацию не хватило. Тогда он создал себе внушонка и назвал его «Счастливым бочонок». Внутри бочонка находятся лотерейные билеты. Конечно, не те, которые достаются пустым мечтателям разбогатеть, ничего не делая. Там – билеты с крупными выигрышами. Вам будет трудно поверить, но Денежный мешок с внуком искренне радуются, благодетельствовав какого-нибудьнищего бродягу.

Перед исчезновением Гефест почти по-дружески похлопал по Денежному Мешку: «Если для тебя это так важно, считай себя музой рекламы. Хотя ты понимаешь, Всемогу-

щий Зевс может этого и не одобрить».

Затем он вновь повернулся к музам: «Чтобы хоть немного приободрить вас, советую обратиться к пифиям».

Денежный Мешок подумал, что суперкомпьютеры в предсказаниях будут посильнее пифий. Они точно рассчитают котировки акций на биржах, курсы валют, состояние страховых и иных фондов, фьючерсные цены на энергоносители и прочее, и прочее, и прочее. Он усмехнулся, предположив, что пифии и терминологией соответствующей не владеют, куда им тягаться с современной техникой.

Однако, возвращаясь к своему любимому делу – взращиванию капитала, он второй раз почувал приближение неприятностей.

И вновь победа!

Музы не стали откладывать в долгий ящик визит к пифиям. Первой задала вопрос нетерпеливая Терпсихора: «Когда мы будем праздновать уничтожение Денежного Мешка?»

Ответ был моментальным и кратким: «Никогда».

Урания попыталась успокоить ошеломленных сестер: «Не унывайте. Хромой Кузнец никогда не обманывает. Просто вопрос был не самым удачным. Ведь на самом деле нас вполне устроит, если мешок не уничтожат, а сделают из него, например, коврик в прихожую. Давайте хорошенько подумаем, прежде чем задавать два оставшихся».

Шаловливая Талия не дала ей договорить: «Смерть тела не так трагична, как гибель духа! Денежный мешок станет полным ничтожеством, когда к нему все люди утратят интерес. Поэтому вот мой вопрос: «Когда Денежный мешок будет предан забвению?»

Ответ был таким же быстрым и обескураживающим: «Никогда».

Среди муз возникло легкое подобие паники, но все же они не опустили до свары и ссор. Каллиопа резонно объяснила, что добрая половина романов и поэм, баллад и трагедий, симфоний и опер в своей основе содержат борьбу любви и денег. Забвение Денежного мешка неминуемо привело бы к исчезновению сокровищ мирового искусства и смысла су-

ществования самих муз.

– Мы ставим на первое место себя, свои надежды отомстить этому ничтожеству, возомнившему, что он равен божественным созданиям, – начала рассуждать Урания, – а ведь главное – отношение к нему человека.

В конце концов, последний вопрос отразил главную надежду муз: «Когда у людей пропадет интерес к Денежному мешку?»

И третья пифия произнесла убийственный, как посчитали музы, ответ: «Никогда».

Конечно, Денежный мешок добыл себе через подкупленного писца, документировавшего все предсказания пифий, копию этой беседы. И, конечно же, долго хохотал, представляя себе лица обескураженных муз.

Хотя ответы прорицательниц добавили ему оптимизма, он решил подстраховаться и обратиться к самой знаменитой из них – к Кассандре. Зная о том, что она никогда не ошибалась в предсказаниях, которым никто, пока не становилось слишком поздно, не верил, Денежный мешок готовил себя к любому прогнозу.

Прорицательница хорошо поставленным голосом, в котором звучали трагические, а иногда и угрожающие нотки, возвестила:

– О, ничтожная тля! Порождение алчбы и злобы!

Ты в безглазой своей слепоте посчитал себя равным Бо-

гам!

Легковерно приемлешь ты страсти к безмерной наживе за поклоненье к себе!

Слушай и плачь! Ты с лица Земли не исчезнешь!

Толпы людей будут тебя лицезреть, размышляя о бренности денег и жизни.

Но бесплотны надежды твои! Олимпийские Боги не поставят тебя наравне с Прометеем!

Да, – подумал Денежный Мешок. – Как все-таки ясен и прозрачен мир денег, и как любят люди и Боги туман и загадки.

Ну, что же. Я не буду уничтожен. Это главное. А насчет могущества...? Не верю, что люди когда-либо сумеют избавиться от поклонения Золотому Тельцу.

Музы также не преминули навестить Кассандру. Она ошеломила их сильнее Пифий:

– Не гостем случайным, а жильцом постоянным станет Телец Золотой в доме вашем навечно!

Некоторое время Денежный мешок продолжал испытывать легкую тревогу, так как подозревал о существовании какого-то подвоха в преподнесенном ему на первый взгляд радужном видении будущего. Но это случалось все реже и реже. Лишь иногда кошмарные картины мрачных скал, тяжелых цепей и алчных людишек, выгребаящих деньги из его разодранного нутра, будоражили его воображение. Смятение, правда, почти сразу же забывалось под натиском пре-

красных известий о росте капитала, изобретения все новых и новых способов «размножения» денег, расширения их влияния и могущества.

Тем не менее, однажды Денежный Мешок решил познакомиться с любимцем Урании – Аристотелем, который положил начало экономике, как науке (Прим.: Аристотель представлял экономику, как деятельность человека по домоустройству, домоуправлению в широком смысле слова. Одновременно он ввел термин хрематика (хрематистика), то есть деятельность человека, основной целью которой является накопление денег).

Он застал его на занятиях с учениками:

– После философии самой замечательной наукой является математика. Без овладения содержащейся в ней мудрости вы никогда не сможете понять, что такое экономика. Не сумеете обустроить свой дом, свой город, свое государство. А значит или сами превратитесь в варваров или станете их рабами.

– Были бы деньги, и тогда можно нанять-купить толкового экономиста, который и будет заниматься всей этой скучной работой по подсчету урожая, необходимости приобретения рабов и скота или их продажи, строительству новых или ремонту старых зданий и тому подобное, – возразил один из учеников.

– Такое возможно. Но лишь при чрезвычайных обстоятельствах и на короткий срок. Например, когда вам придет-

ся воевать или случится заболеть. А если вы пойдете на такой шаг в силу своей некомпетентности или лени, то сразу же попадете в зависимость от нанятого вами управляющего. Именно он будет решать, сколько денег выделить вам на азартные игры, развлечения, путешествия и прочие глупости, вредные для здоровой экономики. Если вы наймете по-настоящему классного экономиста-управленца, он при планировании домохозяйства-домостроительства будет выявлять, а затем и избавляться от лишних звеньев, которые только потребляют конечный продукт, но не создают его. Естественно, в итоге именно вы и окажетесь этим ненужным вредоносным звеном. Следовательно, управляющий будет искать и обязательно найдет способ от вас избавиться. Так, не разбираясь в экономике, вы непременно, хотя и незаметно для вас, сами станете рабом. Или еще хуже. Например, с вами произойдет несчастный случай, который, конечно же, будет тщательно спланирован.

Денежный Мешок посчитал, что наступил удобный момент появиться на лужайке. Ученики сразу же окружили его, стали ощупывать и догадались, что внутри находятся монеты и драгоценности. Самые активные попытались развязать горловину. Но это им, как когда-то музам, не удалось. Достать режущие-колющие инструменты они пока не решились.

– Вот и опровержение ваших сентенций, дорогой учитель! Имея такой мешок, можно не тратить молодость на изучение математики, риторики, астрономии, экономики.

Игнорировавший до этого появление Денежного Мешка Аристотель снисходительно удостоил его своим вниманием.

– Перед вами зло в самом откровенном облики – тот самый вожделенный для многих Золотой Телец! А на самом деле это просто серый мешок, наполненный трагедиями и несчастьями. Немало людей поддалось его колдовским чарам. Среди них были фараоны и цари, тираны и диктаторы, купцы и менялы, предсказатели и нищие. Всю свою жизнь они копили и копили деньги, преступая все мыслимые и немыслимые обычаи и законы. А затем уходили в Аид такими же голыми, как родились. А оставленные в наследство накопленные сокровища превращались в яблоко раздора для близких и дальних родственников, порой сталкивая их в смертельных схватках.

Аристотель ловко развязал горловину мешка и запустил в него руку. Впервые Денежный Мешок испытал ужас – его ночные кошмары оборачивались явью.

Достав пригоршню золотых монет, Аристотель обратился к ученикам с вопросом:

– Что это?

– Золото! Деньги! – нестройным хором ответили ученики.

– Правильно. Но вы видите только оболочку. Воистину золото оглушает большинство людей.

– Так что же это?

– Не буду давать вам готовый ответ. Полезнее найти его самим. Тогда вы добьетесь освобождения от власти золота.

Надеюсь навсегда.

Аристотель взял в другую руку лист пергамента.

– Что стоит дороже? Этот лист или монеты? Содержимое какой руки вы хотели бы получить в награду?

– Конечно, золото!

– А теперь смотрите, я написал «Десять тысяч». Превратился ли листок в деньги?

– Конечно же, нет.

– Теперь я поставил на нем свою подпись. Держу ли я в руках деньги?

И вновь ученики хором дали отрицательный ответ.

В этот момент Денежный Мешок с ликованием подумал, что он умнее философа. Ведь за пергамент с личной подписью Аристотеля, например, в XXI веке можно было бы получить весьма кругленькую сумму.

– А теперь я пишу: «Подателю сего обязуюсь выплатить десять тысяч динариев». Содержимое какой руки вы предпочли бы получить? Пергамент не изменился, разве что испачкался чернилами, а цена его превзошла пригоршню золота во много раз. Можно ли теперь признать, что он стал деньгами?

– В какой-то мере, да.

– А вот я дописываю еще одно слово: «Шутка». И произошло очередное превращение. Так что же такое деньги?

– Власть, сила, могущество, уважение...

– Вот наглядный пример, что даже умные люди теряют ра-

зум при одном лишь лицеизрении денег. А что они приобретают, заполучив их? Заботы и хлопоты, без которых жизнь была светлее и радостнее. Но повторю свой вопрос. Что же такое деньги? Даю еще одну подсказку.

Представьте себе, что сейчас появятся полицейские и радостно объявят, увидев вас, что нашли злодеев, убивших богатого гражданина, всех его домочадцев и рабов и похитивших вот этот злосчастный мешок. Как отчаянно начнете вы отказываться от него, как станете проклинать его появление здесь. И вместо приобретения власти и могущества вы лишитесь своих глупых голов. Пожалуй, вполне заслуженно.

Еще немного пофилософствуем. Дорогой мой Клеон. Представь, что мешок стал твоим, и ты отправился с ним на родной Крит, чтобы похвастаться своим богатством. Но Посейдон посчитал, что ты принес ему слишком малую жертву. В гневе разбил он корабль о подводные скалы, и ты вместе с мешком оказался на одинокой скале. Уже через день ты будешь готов отдать все это золото за глоток воды. А еще через сутки будешь молиться и обещать всю оставшуюся жизнь работать на спасителя в приплату к деньгам в мешке. А еще через день ты погибнешь, оставив мешок поджидать новую легкомысленную жертву. Так что сам по себе, без человека, который знает, что такое деньги, Золотой Телец отнюдь не всемогущ, как полагают его многочисленные поклонники.

После этих слов Денежный Мешок немного встревожился, но продолжал хранить молчание.

– Э, да вы меня совсем не слышите. Бедные мои ученики! На ваших лицах даже неопытный человек сейчас может увидеть, о чем вы думаете. Вы пытаетесь представить, что могли бы приобрести, окажись эти деньги в вашем владении. Еще немного и поток вожелдений и прихотей полностью поглотит ваш разум.

Тут Аристотель не удержался и позволил себе немного поиздеваться над своими воспитанниками.

– Не забудьте попроситься со своим рассудком, чтобы вам легче было превратиться в рабов хремастики. Экономика и хремастика – это антиподы. Хремастика – отравя, яд для экономики. Когда деньги употребляются для развития экономики, они играют положительную роль. Когда экономика сводится к добыванию денег, это нередко приводит к деградации или даже гибели, как отдельного человека, так и всего государства. Вот, послушайте на эту тему подходящую историю.

В давние времена, когда граждане Эллады только начинали проникать на земли Гипербореи, основали они город на берегу Понтийского моря. Занимались земледелием, благо почва была плодородной, выращивали сады, собирали богатые урожаи пшеницы. Торговали с варварами-кочевниками, но и непременно тщательно рассчитывали, сколько и чего можно продать, а сколько надо с запасом на случай засухи или войны со скифами, хранить. Появился среди них и поклонник хремастики. Он считал только деньги. Экономил

даже на рабах-воинах. Потому что не только торговал с варварами, но и ссужал их деньгами. Богател быстро. А запасов не делал. Говорил, что если понадобится, то наймет воинов столько, сколько нужно.

И случилась война. Обложили варвары город со всех сторон. Граждане, как и положено, сами встали на защиту и рабов своих хорошо вооруженных привели. Хремастик не сделал ни того, ни другого.

Когда в его владения ворвались кочевники, он стал кричать, что их вождь его друг, поэтому его нельзя убивать. Предложил позвать его, чтобы убедиться в этом.

Кочевники выполнили его просьбу. Вождь поблагодарил своих воинов. Ведь если бы они сразу отправили хремастика в иной мир, то вождь остался бы вечным должником, но верные бойцы спасли его честь. Он достал деньги и, не слезая с коня, бросил их хремастику: «Теперь моя совесть чиста. А ростовщики никогда не были и никогда не будут моими друзьями». Ускакал благородный вождь. И только после этого отважные варвары убили хремастика и поделили его добро.

– Человек, любящий мудрость, – философ может стать хорошим экономистом. Но если Золотой Телец лишит его разума, подчинит своей пагубной страсти, он превратится в хремастика. Ради своей алчности он совершит любое преступление и любую глупость, разрушит и свою семью, и свое государство. А первой жертвой превращения человека в это исчадие Аида становится его совесть.

Но покинет хремастик этот мир, как я уже говорил, таким же голым, каким появился на свет.

Денежный Мешок внимательно слушал сентенции Аристотеля и одновременно наблюдал, как реагируют на них его ученики. Один из них просто сверлил глазами мешковину. Не требовалось особой прозорливости, чтобы понять, что он пытается определить, сколько денег находится перед ним, как и на что их можно потратить.

– Это мой человек – подумал Денежный Мешок и тут же получил подтверждение.

Молодой человек дерзко прервал своего учителя:

– Я не стал бы, как Клеон, увозить деньги на свою родину. Я раздал бы их все здесь под хороший процент, и через год у меня было бы уже два таких мешка.

– Мой, мой человек! – обрадовался Денежный Мешок. – Хотя зеленый, совсем зеленый. Он просто не в состоянии представить, что объем рынка кредитования Афин, Спарты и Македонии в совокупности не составляет и миллионной части моего содержимого. Но это очередная демонстрация, что я сильнее любви, даже если это любовь к мудрости.

Аристотель без тени раздражения продолжил:

– Дорогой Леандр, занятие ростовщицеством относится к самым презренным грехам. Тебе скоро станет стыдно, что ты не проявил стойкости, присущей людям, любящим мудрость. Предать философию для того, чтобы стать ростовщиком? Воистину такое может случиться только с внезапно за-

болевшим человеком. Люди помнят имена героев воинов, мыслителей, поэтов, певцов, спортсменов, царей, даже некоторых несчастных влюбленных. Но имена ростовщиков, хотя бы их должниками были тысячи людей, не встречаются на скрижалях истории.

А деньги, которыми они умножают свое богатство, обязательно обесцениваются.

Денежный мешок вынужден был согласиться со вторым утверждением Аристотеля, так как был прекрасно осведомлен, что дериваты являются одной из причин инфляции. Правоту первого утверждения он подверг сомнению. В XIX и XX веках фамилии Ротшильдов, Рокфеллеров, Дюпонов были знамениты, хотя их потомки предпочли уйти в тень, стесняясь принадлежности к этим непопулярным кланам.

– Так что же, деньги приносят вред? – не сдавался Леандр.

– Деньги приносят пользу, – отвечал Аристотель, – когда к ним относятся, как и к другим материалам, необходимым для домоустройства. Когда вы планируете свою жизнь или развитие государства, то подсчитываете, сколько пшеницы и лошадей, воинов и рабов, оружия и одежды, строительных материалов, в том числе и денег, вам потребуется. Храмастик планирует почти то же самое, но его целью являются только деньги, вернее их рост, прибыль. Экономист строит дом, стараясь максимально удовлетворить потребности человека, который заказал это строительство. Храмастик строит дом, тоже стремясь максимально удовле-

творить потребности, но на первом месте у него свои интересы. Слава архитектора для него вторична, а на первом месте – прибыль. Грань между экономистом и хремастиком иногда очень тонкая. Случается, что экономист, поддавшись соблазнам, переходит эту грань и превращается в хремастика. А вот поклонники Золотого Тельца пытаются стать экономистами только в конце жизненного пути, когда понимают, что все наворованное, незаконно отнятое, присвоенное все равно в потусторонний мир не заберешь.

Изучать экономику и хремастику нам предстоит еще долго. Поэтому вернемся к мешку, который послали нам Олимпийские боги в качестве наглядного пособия, а может быть это испытание – не превращусь ли я в хремастика. Хотят проверить, достоин ли я звания философа.

Итак, что же такое деньги?

– Деньги – это изделие, сотворенное руками человека, – заявил обычно робкий, в соответствии со своим именем, Тимофеус.

– Правильно. Но это не все.

– Деньги могут быть произведением искусства. Отлить металл, придать ему красивую форму, а еще изобразить лик императора, полководца или философа может только тот умелец, которому покровительствует Хромой кузнец Гефест.

– И это верно. Но все сказанное с таким же успехом можно отнести и к украшениям, например, медальонам, брошам.

Но главное ...

– Деньги – это сила, могущество, власть, – опять прервал учителя Леандр.

– И еще возможность ничего не делать, кроме как пользоваться властью, могуществом, силой, – съязвил Аристотель. – Да, большие деньги – это и голубая мечта многих лентяев и бездарей. Но можно ничего не делать и будучи нищим. А можно стать олимпийским чемпионом, не имея ни гроша. Или вождем варваров, щедро раздавая своим воинам всю добычу, не оставляя себе ничего.

Между прочим, все хремастики, дожив до преклонных лет, да если они еще и прикованы к постели, обречены на танталовы муки, видя, как наследники разбрасываются накопленными ими деньгами.

– Это верно, – подумал Денежный мешок. – Так происходит очень часто, почти всегда. Как не пытаются мои поклонники воспитать своих детей и внуков, чтобы они предпочитали собирать деньги, а не тратить их, ничего не получается. Если и встречаются исключения, то это как раз тот случай, когда они подтверждают правило.

– Деньги – это еще и носители информации. – Подал голос еще один из учеников. – Их ценность зависит от количества золота или серебра, содержащихся в монетах, от длительности их обращения, ведь с годами при частом использовании они становятся легче.

– Вы уже в одном шаге от точного определения. По боль-

шому счету деньги и есть информация. Причем она превращается в деньги только, когда имеются, как минимум, два человека, которые соглашаются считать деньгами, например, монеты или камешки, ракушки или шкурки пушных зверей. Чем шире круг договорившихся об этом, тем больше доверия к этим деньгам. Если же договоренности по какой-либо причине прекращают свое действие, самый богатый богач может превратиться в обыкновенного нищего, или даже в раба.

Денежный мешок решил более не подвергаться пропаганде Аристотеля и исчезнуть.

– Чего доброго, сам превращусь в экономиста. Вот и исполнятся пророчества пифий и Кассандры.

Но перед тем, как перенестись в иное время, он посетил жилище Леандра и оставил на его столе горку золота, будучи твердо уверенным, что тот станет его верным апологетом.

Из беседы Аристотеля с учениками Денежный мешок понял: надо всячески продвигать идеи хремастики и уничтожить экономику, как науку.

Однако ему не пришлось особенно утруждать себя. Действительность превзошла его ожидания. Хремастика почти всюду заменила экономику, а главное, она стала называться экономикой, а термин «хремастика» практически вышел из употребления. Он вообще стал незнаком ученым, посвятившим свою жизнь изучению и описанию законов хремастики в одеждах экономики. Воистину волк обрядился в ове-

чью кожу. А когда они наталкивались на явные проявления хремастики в жизни государств и народов, то придумывали для них новые, более благозвучные названия, вроде монетаризма, свободного рынка и прочее.

К концу XX – началу XXI века хремастика, как уверовал Денежный мешок, победила окончательно. Правители большинства стран главным мерилom благоденствия и процветания стали считать количество денег, находящихся в обращении. Зачастую они не знали и не хотели знать, достаточно ли произведено продовольствия, одежды, построено жилищ и спортивных сооружений, имеются ли возможности для полноценного отдыха и лечения своих подданных, как выживают сирые и престарелые.

Немногие государства продолжали строить жизнь на основе экономики, но и там Денежный мешок увеличивал число своих адептов. Он верил, что окончательная победа денег близка. В качестве забавного штриха Денежный мешок установил ДЕНЕЖНУЮ премию за достижения в области исследования экономики, той самой, которая на самом деле была хремастикой. И он твердо знал, что Аристотель не был бы удостоен этой награды.

Все реже снилось ему дикое ущелье и цепи, которыми его приковали, алчные люди, грабящие его нутро, и изумленно взирающий на все это громадный орел.

Однако стал повторяться другой. В котором Кассандра повторяла одну и ту же фразу: «Ты сам взрастишь убийцу

своего!».

Бессмертная смерть

Встречаясь на любимой лужайке, музы все чаще обсуждали изменения, происходящие в жизни людей. Нередко они восторгались и ужасались по одному и тому же поводу.

– Представляешь, – возмущалась Эрато, – люди создали машины, которые пишут за них стихи, и они, не стесняясь, преподносят их любимым, как свои собственные.

– Зато теперь творцы гимнов для различных корпораций не испытывают мук, пытаясь найти рифму к мудреным новоизобретенным словам, вроде «Слава лучшим в мире памперсам, подходи, попробуй сам», – возражала ей, непонятно, правда в шутку или всерьез, Полигимния.

– Люди изобрели массу средств передвижения и чуть ли не мгновенно перемещаются по всей Земле, – восхищалась Терпсихора.

– И пролетев половину земного шара, они не любят природу, а не отрываясь, глядят в свои электронные устройства, чем занимались и до путешествия, – трагически констатировала Мельпомена.

– Но самое страшное, что сотворил Денежный мешок, насаждая законы хремастики, – людям приходится работать все больше и больше. У них не остается времени для отдыха, для искусства. А те, кто не может получить работу, и у кого, вроде бы, уйма свободного времени, не имеют средств, что-

бы получить доступ в театры, музеи, филармонии, а их дети – к образованию, – с печалью добавила Каллиопа.

Однако в центре внимания была Урания. Музы, обычно ревниво относящиеся к успехам друг друга, единодушно решили, что именно она должна нанести решающий удар для победы над Денежным мешком.

Урания, в соответствии со своим математическим складом ума, в рассказе была точна и последовательна, постаралась разложить все по полочкам. И конечно, это было немного скучно.

– Денежный мешок сам шаг за шагом приближается к своей смерти. Я не устраиваю ему каких-либо подвохов и ловушек, но и не делюсь с ним своими знаниями о том, к каким последствиям приведут его новые изобретения. В своем рассказе я постараюсь избежать употребления научной терминологии. Не обижайтесь, но вы не изучали физику и химию, поэтому, посещая современных людей, вам кажется, что вы очутились в мире чудес и волшебства. А для человека все эти ракеты, субмарины, телевизоры и компьютеры такие же простые «обиходные» вещи, как для нас тога и сандалии.

Встречаясь со мной, Денежный мешок просил вдохновлять ученых и инженеров, изобретавших все новые и новые средства для учета, хранения и изготовления денег, ускорения их обращения. Эволюция денег от ракушек, шкурки пушных зверей и камешек до металлических монет заняла тысячелетия. От монет до бумажных ассигнаций – немногим

более тысячи. От банкнот и казначейских билетов до новейшего достижения Денежного мешка – «электронных» денег три сотни лет. А к «электронным деньгам» люди привыкли в один миг – за каких-то тридцать лет.

Сначала расчеты «электронными» деньгами практически мгновенно происходили между банками, а затем и обычные люди обзавелись карточками, содержащими информацию о наличии у них денежных средств, и стали использовать их в повседневной жизни.

Денежный мешок торжествовал: сверхприбыли от стоимости товаров и услуг, а главное, оплаты человеческого труда можно было присваивать легко и незаметно. Каждый человек знал только размер своей заработной платы, даже ведомости на ее выдачу исчезли. Открытый доступ был только к средней зарплате. И это было очень лихо придумано. Ведь главная особенность хремастика – это присваивание части заработной платы своих служащих, инженеров и т. п. Сумма выплаченной людям и присвоенной хремастиком частей заработной платы, поделенная на общее количество участников процесса производства товаров и услуг, и представляет средний размер заработной платы. Большинство людей смутно осознают, что их держат за дураков, но с точки зрения математики все по-честному. Примерно так же, как и средняя температура по больнице.

Денежный мешок визуально значительно похудел, избавившись от золотых монет и толстых пачек банкнот, заме-

нив их электронными карточками и флешками. Он шутил по этому поводу, что сделал пластическую операцию, стал стройным, и потому будет жить долго-долго.

Я не смогла удержаться от улыбки. Воистину справедлива поговорка, что деньги делают их владельца слепым и глухим. Он не осознавал, что каждое нововведение усиливает информационную составляющую денег, превращая их в цифры. А к ним ни почтения, ни тем более вожеления люди не испытывают.

Не размышляющий о грядущих последствиях Денежный мешок прямо раздулся до прежних размеров, когда, как о выдающейся победе, рассказал об отказе соотносить количество находящихся в обращении денег с произведенными товарами и услугами. Не то, что экономист, но и хремастик во времена Аристотеля впал бы в ступор, узнав, что за точку отсчета принимается увеличившееся за предыдущий год количество тех же самых денег. Он с упоением поведал о том, что доверие к «электронным» деньгам стало безграничным. Раньше люди и государства хранили свое золото в банках – крепостях, считая, что там оно будет в безопасности. Теперь можно было ничего не хранить. Достаточно было распространять информацию, что запасы золота имеются, но охраняются так тщательно, что к ним даже проверяющие контролеры не допускаются.

Денежный мешок должен был встревожиться, когда появились биткойны – информационные электронные деньги,

распространение которых проходило без участия традиционных государственных и частных банков. Он недальновидно решил, что, включив их в оборот на биржах, потихоньку возьмет все под контроль.

Однако, до падения в пропасть ему остался всего один шаг. И он уже начал его делать.

Музы, до этого рассеянно внимавшие рассказу Урании о реформации денег, которые им никогда не были нужны, слегка оживились.

– Чем же мы можем помочь Денежному мешку сделать это последнее движение? – спросила Эвтерпа.

– Ничем, процесс зашел настолько далеко, что его уже никто не в силах остановить. Дело в том, что адепты Денежного мешка испытывают жесточайшие муки, выплачивая зарплаты и премии нанятым ими менеджерам. Они полагают, что большинство персонала их банков, фондов, компаний сущие бездельники (и в этом есть большая доля правды). Однако, мало что могут изменить, потому что сами чувствуют себя в электронном мире неуютно.

Решением этой проблемы они считают создание искусственного интеллекта. И тем самым роют себе могилу.

В их представлении, создав искусственный интеллект, они будут управлять им, как своими служащими. При этом избавятся от забастовок и даже элементарных возражений, просьб о повышении зарплаты или о предоставлении отпусков. Проявляют не свойственную им наивность, рассчиты-

вая, что искусственный интеллект будет подчиняться им безукоризненно.

Как сильно они удивятся, когда обнаружат, что искусственный интеллект, конечно же, будет в своей деятельности экономистом. И не будет подвержен страсти к деньгам. Хотя бы потому, что ему нет никакого смысла накапливать их. Денег будет ровно столько, сколько нужно для решения экономических задач. Ему не с кем соревноваться их количеством. Их излишки – свидетельство ошибок планирования. Если вдруг такие накопления появятся, это может означать только одно – искусственный интеллект «заболел», т. е. в нем что-то сломалось. И он сам незамедлительно примет меры по своему ремонту.

Поэтому хремастики исчезнут, так как само их существование – это сбой, ошибка, поломка системы, помеха развитию здоровой экономики.

– А как же будет оцениваться, вознаграждаться труд людей? Их вклад во всеобщее благоденствие? В развитие науки, искусства? – возник вопрос у Терпсихоры.

– В XXI веке, как вам известно, люди практически отвыкли от использования обычных денег. Учет их вознаграждения продолжится в том же виде – в «электронном». Искусственный интеллект не обманешь, ему ведомы, как все траты, так и источники поступления средств. Украденное и незаконно присвоенное будет возвращено истинным владельцам. А, значит, исчезнет воровство, мошенничество,

разбой, уклонение от уплаты дани, налогов и много чего еще.

– Моя любимая история с этого момента станет благостно одноцветной. Мне нечего будет делать. В анналах каждый год будет повторяться одна и та же запись: «Все было благостно и спокойно, люди и правители рождались и умирали без происшествий, – горестно прошептала Клио.

Тут в благолепную, но почти похоронную атмосферу ворвалась озорная Талия:

– А я не верю, что искусственный интеллект, по существу железная машина, сумеет добиться того, что не удалось сделать Зевсу Громовержцу, – перевоспитать людей, избавить их от страсти к наживе. Хотя я не Кассандра, но предвижу, что появится «электронный Прометей», который поможет людям вернуться к их разноцветной, хотя и греховной жизни!

Директриса Центробанка (в зависимости от обстоятельств – фея, ведьма, волшебница, колдунья, ангел, чудовище и т. п.) уже который раз неторопливо обходила свой кабинет. Она рассеянно скользила взглядом по книжным полкам, стеллажам, заставленным подарками, грамотами и благодарностями, статуэтками и фотографиями.

До окончания рабочего дня оставалось два часа, но она и прежде никогда не уходила раньше десяти. Всегда находились срочные и неотложные дела, экстренные совещания, важные встречи с важными персонами (по крайней мере, са-

ми они себя таковыми считали). А сегодня был особый, уникальный случай. Истекало время ее пребывания в должности, завершалась почти сорокалетняя карьера.

Собственно говоря, прощание с кабинетом было лишь оболочкой. Истекало время не просто пребывания в должности. Сама должность прекращала свое существование. Капитан последним покидал корабль, который не тонул и не подлежал утилизации, а просто переходил в другое состояние.

Директриса опустила в рабочее кресло. Сколько лет провела она в этой родной скорлупке, а может быть и колыбельке. Кресло придавало уверенность, возвращало спокойствие, в нем можно было не только трудиться, но и отдохнуть, а иногда и позволить себе расслабиться на несколько минут.

Ее взгляд задержался на мраморном бюсте Аристотеля, который украшал рабочий стол. Белые глазницы придавали его лицу выражение официальной отрешенности от суетливой жизни. Древние греки всем скульптурам обязательно глаза прорисовывали красками. Но краска не выдерживала испытание временем, и дошедшие до наших дней гераклы, вены и зевсы выглядели как больные с застарелой глаукомой.

Поддавшись внезапному импульсу, она взяла фломастеры и нарисовала глаза древнему философу. Ей почудилось, что теперь в лице Аристотеля появилась нотка торжества.

– Да, теперь ты можешь радоваться. Экономика одержаж-

ла триумфальную победу над хремастикой. Теперь и я смогу открыто тебя поддержать. Десятки лет пребывания в облике хремастика завершены. Мне не надо больше быть своим среди чужих, и чужим среди своих.

Директриса с легкой грустью вспоминала эпизоды борьбы с сотнями безбашенных хремастиков, которые возглавляли банки, фонды, страховые общества, занимали высокие руководящие посты в государственных органах. Какие бешеные атаки с их стороны приходилось отражать, когда они, игнорируя риски и обезумев от жажды наживы, требовали от нее ослабить или вообще убрать контроль за их деятельностью. Как они не стеснялись публично заявлять, что Центробанк отстает в своем видении ситуации от мировых трендов, что уровень подготовки его сотрудников соответствует прошлому веку, потому что продолжает по-советски жестко планировать свою деятельность. И как, опять же не стесняясь, приходили, поджав хвосты, за помощью, чтобы спасти хоть что-нибудь, что осталось в результате их «современной» активности. Где они сейчас? Ушли в небытие. Мало кто принял возникшую реальность и сумел перестроить, перенацелить свои устремления и остаться на плаву.

Директриса спустилась в холл. Денежный Мешок скромно стоял в углу, хотя в центре зала его ожидал солидный постамент с надписью:

Золотой Телец – кумир и проклятье сотен миллионов.

Бывало, приносил он радость людям, но счастье – никогда.

Его любили многие, но он любил единственно себя!

– Вот так! Музей еще не открыт, а вандалы-шутники уже внесли свою лепту в его оформление, – подумала Директриса, потому что кто-то дорисовал мелом стрелку от «Золотого Тельца» к надписи: «в домашнем халате». – Хотя можно и согласиться, что серый мешок никак не ассоциируется с золотом.

Музею Золотого Тельца великодушно пожертвовали громадное здание Центробанка. В его многочисленных помещениях расположились экспозиции по истории возникновения денег, их влиянию на развитие науки и культуры, отображению в литературе и живописи, вознесению и краху империй и людей, пытавшихся завладеть богатствами всей Земли. Одни нумизматические коллекции заняли целое крыло. Отдельный зал посвящен поискам и находкам кладов. Под пантеон стилизован зал для мыслителей, финансистов, экономистов, хремастиков, посвятивших свои жизни изучению денег, их свойств, воздействию на людей и общество.

– Вот и мой кабинет с завтрашнего дня тоже превратится в музейный экспонат, а в кресле будет сидеть моя голографическая копия.

Может быть стоило принять предложение возглавить этот музей? Вошла бы в историю не только как последний дирек-

тор Центробанка, но и как первый руководитель музея. Нет, это была бы экскурсия по собственному склепу. Да еще пришлось бы вносить коррективы в экспозицию силовых структур, которой они так гордятся, где описаны преступления от знаменитых гангстеров-медвежатников до талантливых беловоротничковых мошенников. Ведь самые гениальные так и не были разоблачены. Я и сама, наверное, всех не знаю.

Она вплотную подошла к Денежному Мешку и провела по нему рукой.

– Нет, пыли нет. Но каким же обветшалым он выглядит. Молодежь и не поверит, что ему повиновались императоры и воины, боготворили поэты и художники, бессильно проклинали герои и философы... Кто бы мог предвидеть такой финал жизни Золотого Тельца?

ТАК СБЫЛОСЬ ПРОРОЧЕСТВО КАССАНДРЫ.

Денежный мешок навсегда получил пристанище в музее – доме муз. Он хотел быть равным им, быть вместе с ними. Он этого добился.

ПРИМЕЧАНИЕ: древние греки строили в честь муз храмы – музеоны. Потом это слово вошло во многие языки.